

ПРОЛОГ

Объединенное королевство Нидерландов, 1850 г.

Роттердам. Эльбурн

Когда карета съезжала вниз к дому, копыта лошадей взметнули в воздух целое облако красной песчаной пыли.

— Пора бы уже пойти дождю. Ох уж эта жара... — Ян Ванденберг похлопал себя по темному пиджаку, вытряхивая из него мелкие песчинки.

Его супруга Хелена, сидевшая в открытой карете спиной к кучеру, протянула руку своей дочери Джульетте:

— Пересаживайся ко мне!

Однако девятилетняя Юлия, как ее любовно называли родители, покачала головой:

— Мама, мне отсюда лучше видно.

Она прижалась к руке отца, подставляя лицо прохладному встречному ветру.

На протяжении нескольких недель гнетущая жара парализовала людей и животных. Радуюсь, что в этот июньский вечер им удалось на пару часов вырваться из душной конюшни, лошади перешли на дороге на бодрую рысь. На улицах Роттердама в теплом вечернем воздухе постепенно просыпалась жизнь.

Юлия гордилась тем, что родители взяли ее с собой на ужин к своим друзьям. Это было уже не в первый раз, и, как всегда, она радовалась этому, но и нервничала тоже. Все ее мысли вращались вокруг изысканного общества, которое она

сегодня посетит. Сосредоточившись так, что даже ее маленький ротик искривился, девочка еще раз мысленно припомнила все то, на что нужно было обращать особое внимание: не забыть сделать вежливый книксен перед хозяйкой дома и правильно пользоваться столовыми приборами. Юлия надеялась, что там не будет слишком сложных блюд. С устрицами у нее всегда были проблемы, и она часто сажала пятна себе на одежду. И, не дай бог, вытереть нос рукавом! Ей так хотелось все делать правильно. Она надеялась, что ее родители смогут гордиться ею и похвалят ее за хорошее поведение.

Юлия восхищалась своей матерью, которая всегда держалась очень уверенно, со спокойной элегантностью. Отец девочки, представитель высшего света Роттердама, тоже пользовался любовью и уважением и как гость, и как хозяин дома. Он всегда умел направить беседу в нужное русло и любил оживлять ее шутками. Когда повариха семьи Веркендамов во время одного из их последних визитов так пересолила суп, что хозяйка дома покраснела до коней волос, а гости закашлялись, отец Юлии мило улыбнулся и заметил, что сие блюдо, конечно, весьма экзотично, но тем не менее вкусно. И его слова подействовали — все продолжали есть, хоть и обильно запивали суп вином. Юлия хотела когда-нибудь стать такой же, как ее родители.

— Ну, садись же рядом с матерью, иначе скоро ты будешь похожа на девочку, сделанную из пыли.

Ян Ванденберг пересадил своего светловолосого кудрявого ребенка на мягкое сиденье напротив себя. Юлия оторвалась от своих мыслей и испуганно посмотрела на свою одежду. На ее платье уже виднелась легкая красноватая пыль. Нет, в грязной одежде она не могла явиться к ужину!

Хелена попыталась стряхнуть пыль легким движением руки.

— Не страшно, сокровище мое, ничего не видно! — Затем она спрятала локон дочери под маленькую шляпку, обняла девочку за плечи и нежно прижала к себе. — Смотри, теперь мы вдвоем абсолютно чистые, а твой отец похож на подме-

тальщика улиц. Может быть, его в таком виде даже в дом не пустят...

Юлия подняла глаза и озабоченно посмотрела на отца. Однако тихий смех матери дал ей понять, что эти слова были сказаны в шутку.

Никто из них в тот момент не подозревал, как трагически закончится этот летний день.

За несколько улиц от них какой-то кучер остановил свою упряжку — четверку мощных бельгийских лошадей-тяжеловозов, запряженных в повозку, нагруженную тяжелыми бочками с вином. Несколько мальчиков, расхрабрившихся под действием свежего вечернего бриза, решили поозорничать, пощекотав одну из лошадей длинной палкой, и дразнили ее до тех пор, пока она не начала махать хвостом и лягаться. При этом задняя нога животного запуталась в вожжах, которые кучер привязал к козлам. Вожжи резко и сильно дернулись, рванув удила передних лошадей в упряжке. Одна из них испугалась, поднялась на дыбы, и тут же вся упряжка рванула вперед в неконтролируемом галопе. Проказники моментально сбежали на задний двор, хорошо понимая, что их шутка зашла слишком далеко. Прибежавшему кучеру оставалось лишь беспомощно смотреть вслед своей повозке. Бочки с грохотом стали падать и еще сильнее перепугали лошадей. Прохожие разбежались в стороны, когда четверка тяжелых лошадей, запряженных в повозку, со страшной скоростью мчалась по улице.

Кучер Ванденбергов успел заметить только то, что его лошади насторожились и слегка замедлили бег, но в это мгновение упряжка без кучера уже выскочила из-за поворота. Его лошади отпрянули в сторону, но у них не было ни малейшего шанса избежать столкновения. Четыре тяжеловоза всем весом ударили в карету, а в следующее мгновение въехали друг в друга также повозка и карета. Трясущиеся тела лошадей, рвущаяся кожа, ломающееся дерево... Карету Ванденбергов отбросило в сторону. Кто-то закричал. Последнее, что

увидела Юлия, была серая мостовая, которая летела прямо на нее. Затем наступила темнота.

— Мама?

Неужели ей все это приснилось? Юлия попыталась открыть глаза, однако ее тяжелые веки дрожали, словно крылья мотылька, и первый же луч света ослепил ее. Неужели она спала?

— Т-с-с... лежи спокойно, — слышался чей-то голос вдалеке.

— Мама? — Юлии наконец удалось открыть глаза и моргнуть.

— Нет, это я, Марит.

Юлия с трудом узнала худощавое лицо своей няньки. Та склонилась над ней и осторожно убрала со лба девочки пропитанную потом прядь волос.

— Лежи спокойно, Джульетта, слышишь?

— А что случилось? — Юлия чувствовала себя очень странно. Она попыталась сдвинуться с места, однако острая боль в ноге заставила ее вздрогнуть.

Марит положила руку ей на плечо и осторожно уложила девочку на подушку:

— Джульетта, тебе нужно лежать спокойно!

Тон ее голоса не допускал никаких возражений. Юлия опустилась на подушку, и, еще до того, как голова коснулась ее, девочка опять погрузилась в состояние, похожее на глубокий сон, но безо всяких сновидений.

Когда спустя несколько часов Юлия снова проснулась, она с большим трудом смогла поднять отяжелевшие веки. Девочка, ничего не понимая, огляделась по сторонам и обнаружила, что лежит в своей комнате. Тяжелые гардины, которые висели на окне, собственно, больше для декорации, теперь были плотно задернуты. Однако на улице, казалось, было светло. Отчего же она лежит в постели среди бела дня? Попытавшись приподняться, Юлия вновь ощутила острую боль в ноге. Неужели она ранена?

Что же случилось? Почему она чувствует себя такой усталой?

У Юлии закружилась голова, а потом все вокруг снова погрузилось в темноту.

Когда доктор Маартен немного позже зашел в комнату Джульетты Ванденберг, Марит поднялась со своего стула. Она нервно комкала носовой платок. Взглянув на Юлию, няня прошептала:

— Она два раза ненадолго просыпалась, но теперь снова спит. — По лицу няни было видно, как она волнуется о ребенке.

Доктор Маартен кивнул, поправил на носу пенсне и задумчиво посмотрел на девочку.

— Бедняжка. Какая трагедия!

Он уже давно знал Ванденбергов, а Джульетту держал на руках еще тогда, когда та была грудным ребенком.

— Она спрашивала о матери. — Марит вытерла носовым платком покрасневшие глаза.

Ее усталое лицо побледнело, а серое домашнее платье измялось.

Доктор Маартен успокаивающе положил руку ей на плечо:

— Марит, я знаю, что самое худшее у Джульетты еще впереди, но она должна будет узнать правду, как только снова придет в сознание. Мы с тобой это уже обсуждали.

Марит тихо всхлипнула и кивнула.

— Идите и хоть немного отдохните, а я побуду с ней. — Доктор сел на стул, на котором до этого возле Юлии сидела Марит.

Нянька в нерешительности стояла у кровати.

— Ну, идите же...

Юлия зашевелилась, и врач наклонился к ней, чтобы посмотреть, открыла ли она глаза. Но веки девочки по-прежнему были опущены. Казалось, что бессознательное состояние Юлии наконец-то перешло в целебный сон.

Когда на следующий день Юлия проснулась, ей наконец-то удалось сформулировать несколько ясных мыслей.